Бакунцев Антон Владимирович, кандидат филологических наук, доцент кафедры редакционно-издательского дела и информатики факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: auctor@list.ru

«ЕХАТЬ НАМ НЕ МИНОВАТЬ...»: И.А. БУНИН НАКАНУНЕ ЭМИГРАЦИИ ИЗ РОССИИ (1919–1920)

Цель данной статьи – рассказать об обстоятельствах отъезда И.А. Бунина на чужбину в начале 1920 г. Исследований на подобную тему в отечественном и зарубежном буниноведении до сих пор не было. Научная новизна работы обусловлена еще и тем, что в ней использованы доселе неизвестные документальные материалы, которые хранятся в Российском государственном военном архиве (РГВА, Москва).

Ключевые слова: *И.А. Бунин, Одесса, Балканы, эвакуация, эмиграция.*

Anton V. Bakuntsev, PhD in Philology, Associate Professor at the Chair of Editing, Publishing and Information Science, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University; e-mail: auctor@list.ru

«WE WILL HAVE TO LEAVE ANYWAY...»: I.A. BUNIN BEFORE HIS EMIGRATION FROM RUSSIA (1919–1920)

The purpose of this article is to describe the circumstances of I.A. Bunin's departure abroad at the beginning of 1920. So far no research on this subject has been carried out in Russian and foreign Bunin studies. Besides, the author used the previously unknown documents stored in the Russian State Military Archive (Moscow). These two facts allow to speak about the scientific novelty of the work.

Key words: *I.A. Bunin, Odessa, the Balkan States, evacuation, emigration.*

Введение

Несколько лет назад пишущему эти строки довелось работать в картотеке Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ). Предметом наших разысканий были дела и отдельные документы, связанные с именем И.А. Бунина. Особый интерес вызвали карточки, отражающие «белогвардейский» – наименее изученный – период в биографии писателя. Карточки эти были заведены еще в ту пору, когда ГАРФ назывался Центральным государственным архивом Октябрьской революции и социалистического строительства СССР. В них содержались ссылки на дела, числящиеся в фонде Канцелярии Штаба командующего войсками Новороссийской области (эти войска, являясь частью деникин-

ских Вооруженных сил на юге России, контролировали обширную территорию, включавшую тогдашние Херсонскую губернию и Северную Таврию). Однако в ГАРФ таковых дел не оказалось: еще в советское время они были переданы в составе целого блока материалов по истории Белого движения в Центральный государственный Особый архив СССР – ныне Российский государственный военный архив (РГВА). Там-то заинтриговавшие нас и доселе не обнародованные документы и были в конце концов обнаружены. Именно они дали импульс к написанию данной статьи. В ней мы рассматриваем обстоятельства эмиграции И.А. Бунина из России не только в историко-биографическом, но и в «административно-техническом» ключе.

С уверенностью можно сказать, что исследований подобного рода на поднятую нами тему как в отечественном, так и в зарубежном буниноведении до сих пор не было. Этот факт, как мы надеемся, позволяет нашей работе претендовать на научную новизну.

Автор статьи благодарит за оказанную ему неоценимую помощь сотрудников ГАРФ и РГВА, а также лично С.Н. Морозова (Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук, ИМЛИ РАН) и Н.А. Мартынову (Москва).

«Когда и куда поедем, знает один Бог...»

Покидая в начале февраля 1920 г. Одессу в преддверии ее захвата красными, И.А. Бунин и его (тогда еще – гражданская) жена В.Н. Муромцева верили, что они непременно вернутся в Россию. Мысль о том, что им, возможно, придется навсегда остаться на чужбине, обоим казалась дикой, неправдоподобной. Соответственно и свой статус беженцев, эмигрантов оба воспринимали как нечто временное, как дань своевольной, переменчивой судьбе. Тем не менее решение четы Буниных уехать за границу было взвешенным, и в его осуществлении писатель проявил исключительные последовательность и упорство.

Как видно из дневника В.Н. Муромцевой, Бунины начали подумывать об отъезде еще в августе 1919 г., сразу после того, как деникинцы очистили Одессу от большевиков. Однако в то время писатель и его жена еще не определились, куда им отправиться – в Крым или за границу. Окончательный выбор был сделан той же осенью, когда Добровольческая армия стала терпеть поражение за поражением и под натиском красных покатилась к Черному

морю. Иллюзий насчет перспектив Белого движения на юге России у четы Буниных не было: они понимали, что полный разгром деникинских войск неминуем. Вместе с тем для них было совершенно очевидно, что оставаться в России нельзя: на этот раз Бунину не сошла бы с рук его «контрреволюционная» деятельность в качестве публициста, сотрудничавшего в антибольшевистских газетах Одессы (см.: Бакунцев, 2014). Поэтому, получив в ноябре 1919 г. заграничный паспорт[1], Бунин с присущей ему энергией приступил к поискам возможностей выезда за рубеж.

Однако четкого плана даже относительно того, в какую страну направиться, у Бунина не было. Вероятно, именно поэтому он постарался заручиться поддержкой сразу нескольких консульств: турецкого, болгарского, сербского, французского, британского. И все-таки среди государств, представленных этими консульствами, писатель и его жена отдавали предпочтение Франции, о чем свидетельствует ряд фактов. Так, в ноябре 1919 г. в одесском «филиале» Отдела пропаганды Особого совещания при Главнокомандующем Вооруженными силами Юга России Бунину было выдано удостоверение для работы в Париже в качестве корреспондента газеты «Южное слово»[2], которую он редактировал совместно с академиком Н.П. Кондаковым[3]. В декабре того же года Бунины, согласно дневниковым записям В.Н. Муромцевой, намеревались хлопотать перед командующим войсками Новороссийской области генералом Н.Н. Шиллингом[4] о том, «чтобы он испросил разрешение у французов, чтобы они или даром, или по пониженной цене перевезли» их во Францию[5]. Наконец, примерно тогда же А.Н. Толстой в одном из своих парижских писем призывал Буниных «эвакуироваться» во Францию, в «благодатную и мирную страну, где чудесное красное вино и все, все в изобилии», суля при этом «гарантированный минимум для жизни вдвоем», выгодное сотрудничество в новообразованном журнале «Грядущая Россия» и широкомасштабное издание бунинских книг «по-русски, немецки и английски»[6].

Тем не менее, при всей своей притягательности, Франция не внушала чете Буниных абсолютного доверия: несмотря на щедрые толстовские посулы, у писателя и его жены были сомнения в том, что им удастся хорошо устроиться в Париже. В качестве альтернативного варианта они рассматривали Балканы. Особенно сильные колебания при выборе будущей страны пребывания испытывала В.Н. Муромцева. 13 (26) декабря 1919 г. она записывает в своем

дневнике: «Я почти отказалась от мысли ехать в Париж. И холодно, и голодно, и, вероятно, отношение к нам будет высокомерное. Лучше Балканы»[7]. Но спустя почти две недели, 25 декабря 1919 г. (7 января 1920 г.), после получения французских виз, ее мнение о Франции и Балканах диаметрально меняется: «Я снова твердо держусь за парижскую ориентацию. Может быть, это легкомысленно, но внутренний голос мне говорит, что нужно ехать именно туда. Балканы пугают меня больше. Будет теснота, бестолочь, претензии, а это хуже голода и холода. Да и болезней не оберешься»[8].

Но все это были не более чем отвлеченные рассуждения. В действительности же от воли Буниных мало что зависело – так же как, впрочем, и от воли всевозможных начальников, к которым они обращались за содействием. Зимой 1919–1920 гг. деникинцы стремительно отступали по всем фронтам, в Одессе оживилось большевистское подполье, ходили слухи о «внутреннем восстании». В такой военно-политической обстановке никто не мог гарантировать писателю и его жене даже то, что им вообще удастся выбраться из города. Тем более что пароходы с беженцами, один за другим уходившие в те дни на Севастополь, Константинополь и Варну, были переполнены; из-за нехватки кают многим пассажирам предлагали размещаться в трюме, а то и прямо на палубе, чуть ли не верхом на чемоданах. Между тем путь предстоял тяжелый, многочасовой, в стужу, на промозглом ветру. Бунины считали подобные «условия проезда» унизительными и, в ожидании более «комфортной» эвакуации (с предоставлением каюты, хотя бы и третьего класса), тянули с отъездом, рискуя упустить последнюю возможность спасения.

«Отказано в командировке…»

Как можно понять из дневниковых записей В.Н. Муромцевой за декабрь 1919 – январь 1920 гг., Бунин в ту пору был занят добыванием не только виз, но и денег. С просьбой о вспомоществовании он обращался в разные инстанции, в том числе в Отдел пропаганды, сотрудником которого формально состоял, в издательство «Русская культура», выпускавшее газету «Южное слово», в штаб командующего войсками Новороссийской области. В последнем случае для получения «субсидии» просто ходатайства было недостаточно – требовался особый предлог, и в качестве такового Буниным и Н.П. Кондаковым была заявлена некая «ко-

мандировка», о которой В.Н. Муромцева несколько раз упоминает в своем дневнике. Правда, эти упоминания не дают ни малейшего представления о том, кем, куда и с какой целью рассчитывали быть «командированными» академик по разряду изящной словесности и академик-искусствовед.

И все-таки «направляющую организацию» с большой долей уверенности вычислить можно. По всей видимости, ею был Новороссийский (ныне – Одесский) университет. Сделать такой вывод позволяет тот факт, что посредником и официальным ходатаем в этом деле выступал ректор Новороссийского университета и одновременно исполняющий обязанности попечителя Одесского учебного округа А.Д. Билимович[9]. Именно за его подписью бумаги о «командировке» двух академиков были направлены генералу Н.Н. Шиллингу и в штаб французского командования, в чьем ведении находилась эвакуация беженцев из Одессы (без согласия союзников ни один человек не мог покинуть город – во всяком случае, по морю). Содержание этих бумаг неизвестно, но можно предположить, что Бунин и Н.П. Кондаков значились в них как преподаватели Новороссийского университета.

В отношении Н.П. Кондакова это было вполне справедливо, поскольку в 1918–1919 гг. он «в качестве приват-доцента Новороссийского университета читал лекции по истории русской иконописи и итальянской живописи эпохи Возрождения» (Тункина (вступ. ст.), 2002, с. 74). Много лет спустя Б.В. Варнеке[10], один из учеников Н.П. Кондакова, вспоминал, что ректор университета А.Д. Билимович «очень живо интересовался искусством и окружил Н<икодима> П<авловича> полным вниманием, устроив ему, как академику, повышенную оплату лекций...» (Варнеке, 2002, 91). Скорее всего, именно Н.П. Кондаков уговорил А.Д. Билимовича помочь с оформлением «командировки».

Что же касается Бунина, то его связь с Новороссийским университетом выражалась только в том, что осенью 1919 г. он дважды прочел в Большой химической аудитории свою публичную лекцию «Великий дурман», фрагменты которой впоследствии были напечатаны в газетах «Южное слово» и «Родное слово» (см.: Бакунцев, 2011). Писатель вообще никогда не пытался воспользоваться принадлежавшим ему, как почетному академику Российской академии наук, правом «занять профессорскую кафедру в любом европейском университете»[11].

Помимо перечисленных здесь должностных лиц, к делу о «командировке» двух академиков некоторое касательство имел также В.В. Брянский[12] – сын московских приятелей В.Н. Муромцевой, офицер, занимавший некий (по-видимому, высокий – «начальник по гражданскому управлению») пост при штабе генерала Н.Н. Шиллинга. Собственно, он и познакомил Бунина с командующим войсками Новороссийской области[13]. В.В. Брянский, которого В.Н. Муромцева в своем дневнике называет просто «Воля» (так было принято в его семье и ближайшем окружении), обещал свое содействие в случае затруднений.

Насколько серьезны и оправданны были надежды двух академиков на осуществление их затеи, сказать трудно: дневниковые записи В.Н. Муромцевой позволяют судить лишь о ее собственном отношении к истории с «командировкой».

С самого начала В.Н. Муромцева сомневалась в успехе: она не верила, что те, от кого зависел исход дела, будучи приверженцами ультраправых идей, действительно станут помогать своим политическим оппонентам, каковыми для них были внепартийные государственники-центристы Бунин и Н.П. Кондаков. Ее недоверие и неприязнь к А.Д. Билимовичу, Н.Н. Шиллингу и даже «Воле» Брянскому[14] усугублялись тем, что все они в той или иной мере были близки к редакции монархистско-националистической газеты «Единая Русь», которая время от времени ополчалась на бунинско-кондаковское «Южное слово», браня его за «чрезмерный» либерализм.

Опасения В.Н. Муромцевой за судьбу «командировки» двух академиков наиболее полно и недвусмысленно отражены в строках ее дневника, датированных 17 (30) декабря 1919 г.: «Была на приеме у Билимовича. <...> Он актер. Стоял навытяжку, ни один мускул лица не дрогнул во время приема. <...> Меня принял стоя. Я пробыла у него минуты две. Он прочел письмо Яна[15] и сказал, что будет в 3 часа у Кондакова. Вопрос шел о том, отправлена ли бумага французам, относительно проезда на пароходе и относительно ассигновки на командировку. Мне показалось, что дело безнадежно. <...>

В 3 часа я была у Кондакова. Билимович сказал, что не знает о судьбе поданной бумаги. Я предложила, что съезжу к Брянскому. <...> Билимович предложил довезти меня. И чем мы дальше ехали, тем он становился все любезнее.

В приемной Брянского я прождала с полчаса. <...> Наконец я была принята. <...> Бумага уже послана французам, но прямо в Константинополь к де-Франси. Относительно ассигновок нет никакой надежды. Будто бы нет ни романовских, ни думских. Я думаю, что они просто не хотят посылать ни Кондакова, ни Яна, ибо они с нами не единомышленники, – все они из “Единой Руси”, а “Южное слово” только терпят. Им и Россию хочется превратить в “Единую Русь”, а не в Великую Россию. Вот в чем трагедия»[16].

Была ли В.Н. Муромцева права в своих подозрениях – неизвестно. Но, так или иначе, в начале января 1920 г. Бунину и Н.П. Кондакову в «командировке» и ее «субсидировании» было официально отказано. Не дали писателю денег и в Отделе пропаганды.

Эти два обстоятельства, наряду с событиями на фронте и многочисленными примерами всяческой низости в тылу, существенно повлияли на отношение Бунина не только к конкретным должностным лицам, с которыми ему пришлось иметь дело, но и ко всей Добровольческой армии. Еще сравнительно недавно поистине очарованный ею, любовавшийся бравым видом и дисциплинированностью белого воинства, польщенный тем, что ему, как редактору «Южного слова», власти предоставили автомобиль «с национальным флагом» и водитель-офицер козырял ему со словами: «Ваше превосходительство»[17], произнесший в честь генерала А.И. Деникина, когда тот в сентябре 1919 г. посетил Одессу, восторженную (хотя и очень краткую) речь, – Бунин отныне, чувствуя себя оскорбленным, отмежевывался от добровольцев и говорил о них без прежнего упоения.

«Миссия, предполагаемая в Сербию и Болгарию…»

12 (25) января 1920 г. официальный дипломатический представитель генерала А.И. Деникина в Софии А.М. Петряев[18] телеграммой, составленной по-французски, сообщал генералу Н.Н. Шиллингу: «Болгарское правительство может принять до восьми тысяч беженцев и разместить их в провинции. Консул Тухолка[19] принимает участие в специальном комитете, образованном для оказания помощи беженцам. Французское командование выказывает весьма деятельное участие. Прошу направлять беженцев группами, организованными согласно Вашему усмотрению, снабженными медицинской помощью, и указывать время выезда пассажиров.

“Витязь”, имея <санитарный патент>, указывающий на случаи холеры в Одессе[20], задержан санитарными властями в обязательном карантине в Варне»[21].

Скорее всего, в тот же день копии этой телеграммы, уже в переводе на русский язык, были вручены начальнику военных сообщений и ректору Новороссийского университета. В обоих случаях документ сопровождался запиской дежурного генерала в штабе войск Новороссийской области И.И. Ветвеницкого[22], который просил адресатов «наметить мероприятия по перевозке беженцев в Болгарию, чтобы под видом беженцев не уехали буржуи»[23].

Столь странная на первый взгляд просьба объясняется тем, что под беженцами в первую очередь подразумевались *настоящие* жертвы Гражданской войны: больные, раненые, инвалиды; затем – все остальные, кто не обладал капиталами и не мог постоять за себя с оружием в руках.

Между тем к 12 (25) января 1920 г. переброска беженцев из Одессы уже шла полным ходом. Поначалу их переправляли небольшими группами, но очень скоро «группы» численно выросли настолько, что, как отмечалось выше, на пароходах не хватало мест. Именно так было, например, с упомянутым в телеграмме А.М. Петряева «Витязем», на который, по словам В.Н. Муромцевой, «хотели втиснуть» Бунина и Н.П. Кондакова и который покинул одесский рейд предположительно 24 декабря 1919 г. (6 января 1920 г.)[24].

Ко времени получения петряевской депеши были «намечены» и кое-какие «мероприятия по перевозке беженцев». Одним из таких «мероприятий» было образование «миссии, предполагаемой в Сербию и Болгарию для освещения вопросов, связанных с приемом в означенные страны беженцев»[25]. Правда, не совсем ясно, какой смысл вкладывали в подобную формулировку «отцы-основатели» миссии, имена которых, кстати, неизвестны – как и конкретная дата ее образования. Вообще, на наш взгляд, эта миссия с самого начала была чистой воды фикцией, и выдумали ее лишь для того, чтобы замаскировать истинную цель – эмиграцию из России. Впрочем, то же самое можно сказать и о злополучной «командировке» Бунина и Н.П. Кондакова.

Как бы то ни было, 7 (20) января 1920 г. беженская миссия на Балканы формально уже существовала, и к ее организации прямое отношение опять-таки имел Новороссийский университет. На это указывают бумаги, которые в тот день А.Д. Билимович подал на

имя начальника штаба войск в Новороссийской области генерала В.В. Чернавина[26] и которые представляли собой список членов миссии и прошение выдать им от имени «главноначальствующего Новороссийской области» специальные удостоверения. Согласно списку, миссия состояла из двух групп – сербской и болгарской. Причем в составе сербской группы, включавшей 10 человек (в отличие от болгарской, в которую вошли только двое), под № 4 значился «акад<емик> И.А. Бунин»[27].

Как и почему он оказался в «списке А.Д. Билимовича» – мы не знаем. Об этом ничего не говорится ни в документах, имеющих отношение к балканской миссии и хранящихся ныне в РГВА, ни в дневнике В.Н. Муромцевой, ни в свидетельствах самого писателя, если только не считать таковыми строки в его очерке «Гегель, фрак, метель» (1950): «Я имел официальное поручение устно осведомить нашего посла в Белграде о положении наших дел и на фронте и в тылу Одесской области, должен был поэтому посетить и Белград...»[28]. Однако расценивать эти слова как объяснение присутствия имени Бунина в «списке А.Д. Билимовича» неразумно: ведь из записей В.Н Муромцевой явствует, что ее мужа миссия фатально чем-то не устраивала и что у него то и дело возникало желание уклониться от участия в ней.

«Вчера Ян уже совсем решил отказаться от миссии и ехать на свои крохи в третьем классе, – пишет В.Н. Муромцева 6 (19) января 1920 г. (т.е. за день до того, как А.Д. Билимович отправил в штаб командующего свои бумаги), – а сегодня звонил Бельговский[29] и сообщил, что хотят “разбить миссию на части”: в первую – митрополита Платона[30], Кондакова, Яна, Шабельского[31], адъютанта сербского короля и Лопуховского[32]. Это меняет дело. Интересно участвовать в миссии вместе с Платоном»[33]. Не совсем ясно, чье мнение о перспективах «участвовать в миссии» с митрополитом Херсонским и Одесским Платоном высказывала В.Н. Муромцева – только свое собственное или же единодушное с Буниным, – но, в любом случае, сведения о «кадровом составе» сербской группы, которые им сообщил по телефону журналист К.П. Бельговский, были не вполне верны. В действительности, согласно «списку А.Д. Билимовича», в эту группу, наряду с Буниным, Н.П. Кондаковым, К.П. Бельговским, ротмистром К.Н. Шабельским[34], входили профессора Новороссийского университета Д.П. Кишенский[35], П.М. Богаевский[36], В.В. Завьялов[37], русский консул в Варне С.В. Тухолка[38], врач В.В. Завьялов[39] и П.В. Моги-

левская[40]. Вероятно, с кем-то из них Бунин не нашел общего языка – иначе трудно понять, почему 21 января (3 февраля) 1920 г. в дневнике его жены появилась запись: «Ян все терпит до Белграда. Но там он откажется от миссии и от всяких сношений с этими господами...»[41].

Возможно, причиной бунинских неладов с «этими господами» опять, как в истории с неудавшейся «командировкой», были политические разногласия. Дело в том, что, по крайней мере, один из основных членов миссии – профессор П.М. Богаевский, подобно А.Д. Билимовичу, сотрудничал в ненавистной чете Буниных «Единой Руси». Остальные же (разумеется, за исключением Н.П. Кондакова и К.П. Бельговского, которого Бунин переманил в «Южное слово» из другой одесской газеты – «Сын Отечества») могли быть его единомышленниками. Кроме того, как указывает В.Н. Муромцева, сумма, назначенная для выдачи участникам миссии, была столь мала, что Бунин, несмотря на острую нужду в деньгах, из гордости не стал ее принимать.

Так или иначе, 17 (30) января 1920 г. в штабе командующего войсками Новороссийской области Бунину было выписано удостоверение следующего содержания: «Настоящим удостоверяется, что предъявитель сего акад<емик> И.А. Бунин является действительным членом миссии, предполагаемой к отправке в Сербию и Болгарию для освещения вопросов, связанных с приемом в означенные страны беженцев.

Генерального штаба генерал-майор *Чернавин*

Дежурный генерал, генерал-майор *Ветвеницкий*»[42].

Пополнил ли писатель этим документом свою «коллекцию» удостоверений «на все случаи жизни», неизвестно: в РГВА хранится не только его явная (неподписанная) копия, датированная к тому же 18 (31) января 1920 г.[43], но и столь же несомненный оригинал (впрочем, не исключено, что это попросту *второй экземпляр* оригинала).

Заключение

Как пишет современный сербский историк-эмигрантолог М. Йованович, в течение января 1920 г. «в Болгарию через порт Варна было эвакуировано 2 500 человек <...>. К концу января первые группы беженцев появились и в Югославии. Они перебрасывались через греческий порт Салоники и дальше поездом че-

рез Гевгели» (Йованович, 2005, с. 88). Но был еще один путь – через Константинополь. Именно этим путем 26 января (8 февраля) 1920 г. на борту французского парохода «Спарта» Бунины отправились в изгнание, деля «крохотную каютку» с Н.П. Кондаковым и его помощницей Е.Н. Яценко[44]. Остальные члены балканской миссии, по-видимому, эвакуировались на других пароходах. Во всяком случае, у В.Н. Муромцевой среди пассажиров «Спарты» они не упоминаются.

По иронии судьбы, перед тем как попасть в «благодатную и мирную» Францию, чете Буниных предстояло больше месяца провести на Балканах[45].

Накануне отъезда, 20 января (2 февраля) 1920 г., жена писателя с горечью отметила в дневнике: «На сердце очень тяжело. Итак, мы становимся эмигрантами. И на сколько лет? Рухнули все наши надежды...»[46].

Примечания

[1] Данный документ хранится в бунинской коллекции Русского архива Лидского университета (LRA. MS. 1066/1253). Сведения предоставлены старшим научным сотрудником ИМЛИ РАН С.Н. Морозовым.

[2] Данный документ хранится там же (LRA. MS. 1066/1252). Сведения предоставлены старшим научным сотрудником ИМЛИ РАН С.Н. Морозовым. Отдел пропаганды Особого совещания при Главнокомандующем Вооруженными силами Юга России был создан в 1918 г. генералом А.И. Деникиным как Осведомительное агентство, или попросту Осваг, на базе осведомительного агитационного отделения дипломатического отдела при генерале М.В. Алексееве. Однако даже после реструктуризации Освага и переименования его в Отдел пропаганды в феврале 1919 г. старое название продолжало использоваться – очевидно, по привычке и для простоты. Подробнее об Отделе пропаганды см.: *Дроздов А.* Интеллигенция на Дону // Архив русской революции. Берлин, 1921. Т. 2. С. 45–58; *Соколов К.Н.* Правление генерала Деникина. М.; Жуковский, 2007; *Жирков Г.В.* Журналистика двух России: 1917–1920 гг.: Учеб. пособие. СПб., 1999.

[3] Кондаков Никодим Павлович (1844–1925) – историк византийского и древнерусского искусства, археолог, культуролог; ординарный академик Петербургской академии наук (1898), действительный член Петербургской академии художеств (1893) и Болгарской академии наук (1920), действительный иностранный член Чешской академии наук, литературы и художеств (1898), член-корреспондент Сербской королевской академии наук (1901), «почетный и действительный член многих русских и иностранных университетов, институтов, научных обществ, комиссий и пр.» (Тункина (вступ. ст.), 2002, с. 72–73]. В эмиграции – профессор Софийского (1920–1922) и пражского Карлова (1922–1925) университетов. В Праге последователями ученого после его смерти был создан исследовательский центр «Seminarium Kondakovianum», ставший с 1931 г. Археологическим институтом им. Н.П. Кондакова.

[4] Шиллинг Николай Николаевич (1870–1946) – военачальник, генерал-лейтенант, участник Первой мировой и Гражданской войн. Именно его части – войска Новороссийской области – в августе 1919 г. освободили Одессу от красных. Однако зимой 1919–1920 гг. Н.Н. Шиллинг не сумел организовать должную оборону города, вследствие чего при приближении передовых отрядов Г.И. Котовского в начале февраля 1920 г. последняя эвакуация беженцев из Одессы превратилась в паническое бегство. По свидетельствам очевидцев, в городе и порту царил хаос. Генерал Н.Н. Шиллинг со своим штабом покинул Одессу одним из первых, передав командование остатками своих войск (фактически – горстками офицеров) полковнику А.А. Стесселю (см.: *Я.* Сдача Одессы (Беседа с беженцами) // Еврейская трибуна (Париж). 1920. 19 марта. № 12. С. 4–6; *Терещенко С.* Эвакуация Одессы (Январь 1920 г.) // Русское время (Париж). 1926. 11 февр. № 203. С. 2–3; *Косичев В.* Одесса в январе 1920 года: Из воспоминаний белого матроса // Молва (Варшава). 1933. 28 мая. № 121. С. 3; *Шульгин В.В.* 1920 год // Белое дело: Избранные произведения: В 16 кн. М., 2003. Кн. 10: Бредовский поход. С. 248–256; *Штейнман Ф.* Отступление от Одессы // Там же. С. 317). Впоследствии, уже в Крыму, генерал Н.Н. Шиллинг, отчисленный в распоряжение Главнокомандующего Русской армии генерала П.Н. Врангеля, был отдан под суд за ненадлежащее исполнение своих обязанностей в качестве командующего войсками Новороссийской области. Суд приговорил его к расстрелу, но затем приговор почему-то был отменен. В 1920 г. эмигрировал в Чехословакию.

[5] Устами Буниных: Дневники И.А. и В.Н. Буниных и другие архивные материалы. В 2 т. / под ред. *М.Э. Грин*; вступит. ст. *Ю.В. Мальцева*. М., 2004. Т. 1. С. 264–265.

[6] Цит. по: *Бунин И.А.* Собр. соч. В 8 т. / сост., вступит. ст., подгот. текста, примеч. *А.К. Бабореко*. М., 2000. Т. 8. С. 317.

[7] Устами Буниных. Т. 1. С. 267.

[8] Там же. С. 270.

[9] Билимович Антон Дмитриевич (1879–1970) – ученый-математик, профессор Новороссийского университета в Одессе. В 1917–1920 гг. – его ректор, а также исполняющий обязанности попечителя Одесского учебного округа. Эмигрировал в 1920 г. в Югославию. Профессор Белградского университета, действительный член Сербской академии наук и искусств (1936). Один из основателей Российского академического кружка в Югославии, Математического института Сербской академии наук и искусств, Югославского общества механиков.

[10] Варнеке Борис Васильевич (1874–1944) – ученый-латинист, историк театра и театральный критик; заслуженный деятель науки Украинской ССР (1941). Во время Великой Отечественной войны, оставшись в оккупированной Одессе, читал лекции в открытом румынами Румынском королевском университете Транснистрии и формально состоял в Институте антикоммунистической пропаганды. В 1944 г. был арестован и обвинен в измене Родине. Умер в Киеве, в больнице при областной тюрьме. Реабилитирован «за недоказанностью предъявленного обвинения» в 1955 г.

[11] *Федоров А.* Злоключения Бунина в Болгарии (Письмо из Софии) // Сегодня (Рига). 1933. 24 нояб. № 325. С. 2.

[12] Брянский Всеволод Викторович (1890–1948) – участник Белого движения, религиозный деятель, церковнослужитель. В 1914–1917 гг. – секретарь московского градоначальника (см. его «Записки» об этом периоде: www.rp-net.ru/book/archival_materials/briansky.php). Эмигрировал в 1920 г. во Францию. В 1936–1947 гг. был казначеем прихода храма Христа Спасителя в Аньере (под Парижем).

[13] В тот день, 17 (30) августа 1919 г., в Спасо-Преображенском кафедральном соборе Одессы служили панихиду по вождям Добровольческой армии – генералам Л.Г. Корнилову, М.В. Алексееву и С.Л. Маркову, – затем состоялся военный парад на Соборной площади. Н.Н. Шиллинг показался Бунину похожим «на немца: “как встал, так и простоял, не двигаясь, все богослужение”» (Устами Буниных. Т. 1. С. 254).

[14] Многое настораживало и даже ужасало жену Бунина в этом молодом человеке – в частности, его легкомыслие, несообразное должности, которую он занимал, отсутствие «государственного понимания», антисемитизм, но в особенности – полное безразличие к человеческой жизни: во время одного из своих визитов к Буниным он говорил о казнях «совершенно спокойно, как будто о том, что свинью к праздникам режут» (Там же. С. 260).

[15] Так В.Н. Муромцева называла мужа с самого начала их совместной жизни.

[16] Устами Буниных. Т. 1. С. 268.

[17] Членам Императорской Академии наук, даже почетным, как Бунин, по Табели о рангах присваивался чин тайного советника, который соответствовал воинскому званию генерал-лейтенанта.

[18] Петряев Александр Михайлович (1875–1933) – дипломат, полиглот, участник Белого движения. В 1917 г. товарищ министра внутренних дел при Временном правительстве. В 1919 г. помощник начальника управления по делам вероисповеданий Особого совещания при Главнокомандующем Вооруженными силами Юга России. В 1920–1922 гг. официальный дипломатический представитель А.И. Деникина и П.Н. Врангеля в Болгарии. С 1923 г. жил в Белграде, служил в Министерстве иностранных дел Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев (Югославии).

[19] Тухолка Сергей Владимирович (1874–1954) – дипломат, переводчик, оккультист. В 1912–1920 гг. был русским консулом в Варне. В эмиграции жил в Константинополе, затем в Париже.

[20] Эпидемии холеры фиксировались в Одессе регулярно. Например, 27 августа (9 сентября) 1919 г. информационное издание Отдела пропаганды «Известия “Освага”» сообщало: «Холерная эпидемия в последние дни, вследствие возобновившегося усиленного привоза фруктов и особенно дынь и арбузов, значительно усилилась. За вчерашний день статистическим бюро установлено 208 подозрительных по холере <sic!> заболеваний» (ГАРФ. Ф. Р-440. Оп. 1. Д. 10. Л. 18).

[21] РГВА. Ф. 39660. Оп. 1. Д. 386. Л. 74 об. Оригинал на французском языке – л. 72–73. Содержание этой телеграммы и дата ее отправки вынуждают усомниться в правильности некоторых фактических данных, приведенных в книге современного сербского историка-эмигрантолога М. Йовановича «Русская эмиграция на Балканах: 1920–1940» (М., 2005). Исследователь, в частности, утверждает, что правительство Болгарии объявило о решении принять 8 тыс. русских беженцев лишь 9 февраля 1920 г., «тем самым подтвердив неофициальное соглашение от 29 января» (Йованович, 2005, с. 87].

[22] Ветвеницкий Иван Иванович (1862–1942) – военачальник, генерал-майор, участник Первой мировой и Гражданской войн. В Добровольческой армии с 1917 г. В 1918–1919 гг. был дежурным генералом в штабе, затем начальником штаба Крымско-Азовского корпуса. В 1919–1920 гг. дежурный генерал в штабе войск Новороссийской области. Эмигрировал в 1920 г. в Болгарию, затем во Францию, где был вице-председателем Союза российских кадетских корпусов, одним из устроителей Булонь-Бийанкурского прихода, участвовал в деятельности Сергиевского подворья в Париже.

[23] РГВА. Ф. 39660. Оп. 1. Д. 386. Л. 74.

[24] См.: Устами Буниных. Т. 1. С. 270.

[25] РГВА. Ф. 39660. Оп. 1. Д. 386. Л. 75.

[26] Чернавин Виктор Васильевич (1877–1956) – военачальник, генерал-майор Генерального штаба Российской империи, участник Белого движения на юге России, в 1919–1920 гг. начальник штаба командующего войсками Новороссийской области. Фамилия генерала В.В. Чернавина дважды упоминается в дневнике В.Н. Муромцевой – правда, оба раза с небольшими искажениями: Чернявин и Чернявский. Буниных с генералом познакомил «Воля» Брянский. На В.Н. Муромцеву генерал В.В. Чернавин произвел впечатление «человека приятного, но твердого» (Устами Буниных. Т. 1. С. 260). А вот одесские знакомые Буниных Туган-Барановские считали, что и командующий войсками Новороссийской области, и его начальник штаба – «бесчестные люди, оба подкуплены» (Там же. С. 271). Эмигрировал в 1920 г. в Чехословакию. В 1928–1938 гг. сотрудник Русского заграничного исторического архива в Праге. В 1938–1939 и 1947–1951 гг. член президиума «Успенского Братства для погребения православных русских граждан и для охраны и содержания в порядке их могил в Чехословакии».

[27] РГВА. Ф. 39660. Оп. 1. Д. 386. Л. 77.

[28] *Бунин И.А.* Собр. соч. Т. 8. С. 332.

[29] Бельговский Константин Павлович (1895 – после 1945) – журналист. В Одессе перед эмиграцией работал в газете «Сын Отечества», печатался в «Южном слове». Эмигрировал в 1920 г. в Чехословакию. В «нобелевские дни» Бунина в 1933 г. опубликовал в рижской газете «Сегодня» очерк о своем знакомстве с писателем осенью 1919 г. и о совместно проделанном с ним пути в эмиграцию (*Бельговский К.* С Буниным от Одессы до Вены // Сегодня (Рига). 1933. 10 дек. № 341. С. 3).

[30] Платон (в миру – Рождественский Порфирий Федорович, 1866–1934) – религиозный деятель, священнослужитель. В 1918–1920 гг. – митрополит Херсонский и Одесский. В 1920 г. эмигрировал в Грецию, затем в США. С 1922 г. возглавил Северо-Американскую епархию; был инициатором ее обособления от Московской патриархии, за что, по требованию патриарха Тихона, был предан архиерейскому суду с запрещением в священнослужении. Запрет был снят посмертно в 1946 г. патриархом Алексием I.

[31] Шабельский Константин Николаевич (1890–1941) – участник Первой мировой и Гражданской войн, белый офицер, ротмистр. До революции – предводитель дворянства в Уфимской губернии. В 1920 г. эмигрировал в Югославию. В 1941 г. убит югославскими коммунистами.

[32] Возможно, имеется в виду журналист Лопуховский Александр Яковлевич (1878–?). В дневнике В.Н. Муромцевой, в записях за тот же период, встречается также фамилия Лопухов (см.: Устами Буниных. Т. 1. С. 271). Не исключено, что в обоих случаях речь шла об одном и том же человеке.

[33] Там же. С. 273.

[34] В «списке А.Д. Билимовича» К.Н. Шабельский обозначен как «политический представитель» миссии, но при этом ошибочно назван капитаном.

[35] Кишенский Дмитрий Павлович (1858–1933) – ученый-медик, патологоанатом, профессор кафедры патологической анатомии Новороссийского университета, в 1913–1917 гг. его ректор. В 1920 г. эмигрировал в Чехословакию. Работал в Праге председателем медицинской комиссии при Комитете по обеспечению образования российских студентов. В «списке А.Д. Билимовича» значился председателем миссии.

[36] Богаевский Петр Михайлович (1866–1929) – юрист, историк, этнограф. Профессор Томского, Киевского и Новороссийского университетов. Эмигриро-

вал в 1920 г. в Болгарию, где основал русский «Свободный университет», возглавил кафедру международного права в Софийском университете и Ближневосточный институт.

[37] Завьялов Василий Васильевич (1873–1930) – ученый-физиолог, педагог. Профессор Новороссийского университета, заведующий кафедрой Одесских высших женских курсов. Эмигрировал в 1920 г. в Болгарию, где возглавил кафедру физиологии и физиологической химии Софийского университета.

[38] Непонятно, почему С.В. Тухолка был указан среди членов именно сербской группы. Тем более что, согласно одной из дневниковых записей В.Н. Муромцевой, он отбыл в Болгарию еще 24 декабря 1919 г. / 6 января 1920 г. (см.: Устами Буниных. Т. 1. С. 270).

[39] Завьялов Всеволод Васильевич (1895–1965) – врач, участник Первой мировой войны, сын профессора В.В. Завьялова. Эмигрировал в 1920 г. в Болгарию. В 1922–1932 гг. ассистент кафедры физиологии и физиологической химии Софийского университета. Занимался также частной практикой. В 1947–1951 гг. доцент, заведующий кафедрой физиологии на медицинском факультете Пловдивского университета.

[40] Могилевская (урожденная Шульгина) Павла Витальевна (1865–1945) – сестра общественно-политического деятеля В.В. Шульгина (1878–1976). В 1913–1919 гг. они вместе издавали газету «Киевлянин». Эмигрировала в 1920 г. в Югославию, где служила чиновницей государственной статистики. В «списке А.Д. Билимовича» обозначена как «казначей».

[41] Устами Буниных. Т. 1. С. 276.

[42] РГВА. Ф. 39660. Оп. 1. Д. 397. Л. 161. Такие же удостоверения были подготовлены и для других членов балканской миссии.

[43] Там же. Д. 386. Л. 82.

[44] Яценко Екатерина Николаевна (1888 – после 1938) – выпускница Высших женских курсов, ученица Н.П. Кондакова (с 1915 г.); в 1917 г. «покинула Петроград вместе с учителем и находилась рядом до конца его дней, всячески заботясь об ученом» (Мир Кондакова, 2004, с. 89].

[45] Подробнее об этом см.: *Бунин И.А.* Собр. соч. Т. 8. С. 331–334; *Федоров А.* Злоключения Бунина в Болгарии... С. 2; *Бельговский К.* С Буниным от Одессы до Вены. С. 3.

[46] Устами Буниных. Т. 1. С. 276.

Библиография

Бакунцев А.В. Лекция И.А. Бунина «Великий дурман» и ее роль в личной и творческой судьбе писателя // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2011 / отв. ред. *Н.Ф. Гриценко*. М., 2011. С. 17–44.

Бакунцев А.В. И.А. Бунин на страницах одесской печати в годы Гражданской войны // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2014. № 5. С. 55–71.

Варнеке Б.В. Материалы для биографии Н.П. Кондакова / публ., вступ. ст. *И.В. Тункиной* // Диаспора: Новые материалы. Париж; СПб, 2002, Вып. 4. С. 72–152.

Йованович М. Русская эмиграция на Балканах: 1920–1940 / пер. с сербск. *А.Ю. Тимофеева*; науч. ред. *А.В. Громова-Колли, Е.В. Михайлова*. М., 2005.

Мир Кондакова: Публикации. Статьи. Каталог выставки / сост. *И.Л. Кызласова*. М., 2004.

Notes

Bunin I.A. (2000) *Sobr. soch.: V 8 t. / Sost., vstupit. st., podgot. teksta, primech. A.K. Baboreko.* [Collection of works: in 8 vol. / Comp., opening chapter, text prep., notes by A.K. Baboreko]. Moscow.

Drozdov A. (1921) Intelligentsiya na Donu [Intelligentsia on the Don]. In *Arkhiv russkoy revolyutsii T.2 S. 45-48* [Rusian Revolution Archive vol. 2, Pp. 45-48]. Berlin.

Evreyskaya tribuna (Parizh). [Jewish Tribune (Paris). March 19, 1920]. №12.

GARF. F. R-440. Op. 1. D. 10 [State Archive of the Russian Federation. Fund R-440. Inv. 1. File 10].

Grin M.E. (ed.) (2004) *Ustami Buninykh: Dnevniki I.A. i V.N. Buninykh i drugie arkhivnye materialy: v 2 t.* [From the Mouth of the Bunins: I.A, and V.N. Bunins' Diaries and Other Archive materials: in 2 vol.] Moscow.

LRA. MS. 1066/1253 *Russkiy Arhiv Lidskogo Universiteta* [Russian Archive of the University of Leads]

Molva (Varshava). [Molva (Warsaw). May 28, 1933]. №121

Russkoe vremya (Parizh). [Russkoe Vremya (Paris). Febr. 11, 1926] №203.

RGVA. F. 39660. Op. 1. D. 386. [Russian State Military Archive. Fund 39660. Inv. 1. File 386].

RGVA. F. 39660. Op. 1. D. 397. [Russian State Military Archive. Fund 39660. Inv. 1. File 397].

Segodnya (Riga). [Segodnya (Riga). November 24, 1933]. №325.

Segodnya (Riga). [Segodnya (Riga). December 10, 1933].. №341.

Shteynman F. (2003) Otstuplenie ot Odessy [Retreat from Odessa} In *Beloe delo: Izbrannye proizvedeniya: V 16 kn. Kn. 10: Bredovskiy pokhod.* [The White Cause: selected works: in 16 books. Book 10: Bredov's March]. Moscow. P. 317.

Shul'gin V.V. (2003) *1920 god* [The Year of 1920] In *Beloe delo: Izbrannye proizvedeniya: V 16 kn. Kn. 10: Bredovskiy pokhod.*[The White Cause: selected works: in 16 books. Book 10: Bredov's March]. Moscow. Pp. 248–256.

Sokolov K.N. (2007) *Pravlenie generala Denikina*. [General Denikin's Rule] Moscow; Zhukovskiy www.rp-net.ru/book/archival_materials/briansky.php).

Zhirkov G.V. (1999) *Zhurnalistika dvukh Rossiy: 1917–1920 gg.* [Journalism of Two Russias: 1917 -1920] Saint Petersburg.

References

Bakuntsev A.V. (2011) Lektsiya I.A. Bunina «Velikiy durman» i ee rol' v lichnoy i tvorcheskoy sud'be pisatelya. [I.A. Bunin's Lecture "The Great Toxin" and Its Role in the Writer's Life and Work] In N.F. Gritsenko (ed.) *Ezhegodnik*

Doma russkogo zarubezh'ya imeni Aleksandra Solzhenitsyna. [Yearbook of A.I. Solzhenitsyn's House of Russian Emigration] Moscow. Pp. 17–44.

Bakuntsev A.V. (2014) I.A. Bunin na stranitsakh odesskoy pechati v gody Grazhdanskoy voyny [I.A. Bunin in the Odessa Press during the Civil War]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 10. Zhurnalistika* 5: 55–71.

Varneke B.V. (2002) *Materialy dlya biografii N.P. Kondakova. Vyp. 4.* [Materials for N.P. Kondakov's Biography. Instal. 1] Diaspora: Novye materialy Publ. Parizh; SPb., Pp. 72–152.

Yovanovich M. (2005). Russkaya emigratsiya na Balkanakh: 1920–1940 [Russian Emigration on the Balkans: 1920 - 1940]. Moscow.

Mir Kondakova: Publikatsii. Stat'i. Katalog vystavki [Kondakov's World. Publications. Articles. Exhibition Catalogue] (2004). Moscow.

Поступила в редакцию
14.02.2017